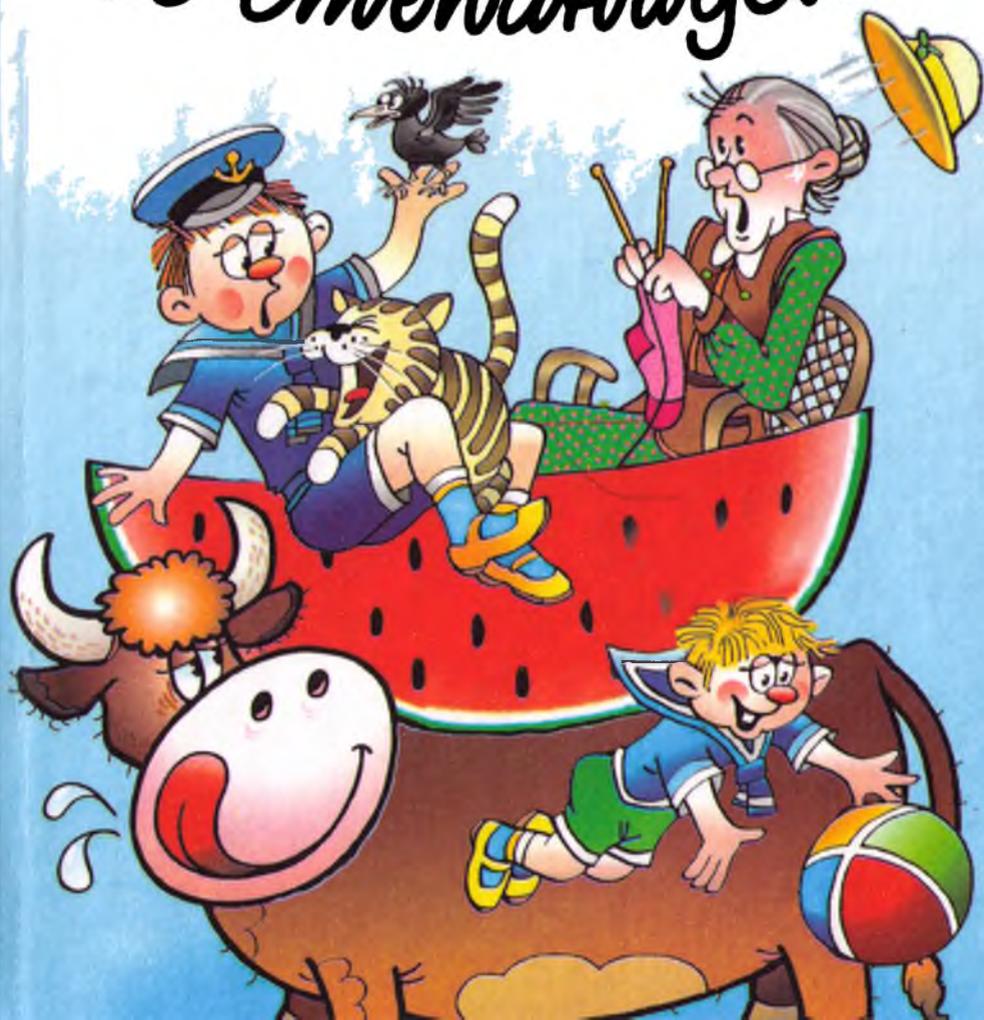

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Эдуард Успенский

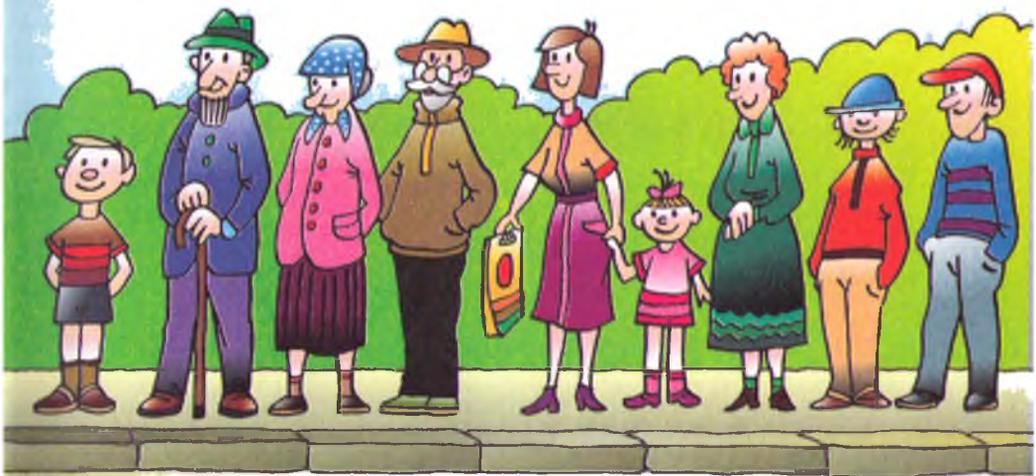
Случай со Степанидом

Эдуард Успенский

Случай со степенщиком

Художник: И. Тер-Аракелян

**ББК 84(2)
У78**

ISBN 5-94563-217-1

© Э.Н. Успенский, 2002
© Состав. «Стрекоза-Пресс», 2002
© Илл. И. Тер-Аракелян, 2002
© «Стрекоза-Пресс», 2002

Слушай со степанидом

Мы с папой сидели на диване, и он объяснял мне, почему я плохо учусь.

— Все дело в том, Сережа, что ты мнемотехники не знаешь.

— А что такое мнемотехника?

— Это способы запоминания разные. Вот, например, река есть в Испании, Гвадалквивир называется. Ни за что не запом-

нишь. А ты и не забывай: «Гвадалквивир», ты запомни: глотал кефир. Или вот так: в городе Караганда добывается руда. Ты меня ночью разбуди — я тебе и руду и Караганду вспомню. А почему? Потому что в рифму.

— А как быть, папа, если рифмы нет?

— Очень просто. Ты все слова, которые запомнить надо, в историю свяжи. Вот назови мне десять первых попавшихся слов, и увидишь.

Я посмотрел вокруг и стал называть:

— Диван, шкаф, телевизор, цветы, пианино. — Потом посмотрел в окно. — Автобус, собака, милиционер, старушка, площадь...

— Ну ладно, — сказал папа. — Попробуем сочинить историю. «Собака

Собака-Телевизор

купила телевизор и села в автобус. Автобус наехал на шкаф. В шкафу сидела старушка и поливала цветы. А милиционер в это время сидел на диване на площади и играл на пианино».

— Ну, чтобы старушка сидела в шкафу и поливала цветы, — говорю, — это еще туда-сюда. А чтобы милиционер на площади на пианино играл, такого в жизни не бывает.

— В мнемотехнике все бывает, — говорит папа. — Может, он к празднику готовился. Ко Дню милиции. Полонез Огинского разучивал. В общем, мы, Сережка, теперь с тобой по-другому заживем. Ты сразу отличником станешь. А я все адреса, все телефоны, все цифры в голове буду держать. Вот на работе удивляться начнут.

И тут мама вошла.

— Вот что, друзья, сходите-ка в аптеку и в магазин. Купить надо кое-что. Я вам список приготовила.

— Не надо нам список, — говорит папа. — Мы и так все запомним.

— Забудете, — говорит мама.

— Да? — говорит папа. — А мнемотехника на что?

Мама спорить не стала.

— Запоминайте, пожалуйста. Только если чего не купите, еще раз побежите. Значит, сначала в аптеку. Возьмите там горчичники и папаверин.

— Папаверин. Папа Верин. Верин папа. У нас есть соседка, девочка Вера, а у нее есть папа. Вот его и надо купить. Очень просто запоминается, — говорит мой папа. — А с горчичниками хуже.

— Ладно, папа, — говорю я. — Я тебе горчичники просто так запомню, без мнемотехники.

— Потом хлеба возьмите в булочной, половину буханки и целый батон.

Папа глаза закатил и говорит:

— Половина буханки и целый батон. Половина кухарки села на бидон. Кухарка — это повар по-старинному.

— А в гастрономе, — продолжала мама, — возьмите колбасы, пачку маргарина и триста граммов подсолнечного масла.

— Гори, гори, масло, чтобы не погасло, — запоминает папа. — Нужно нам триста грамм. Запомнили. А вот маргарин не запоминается.

— Пачка маргарина вкуснее гуталина, — говорит мама.

— Эх ты, — засмеялся папа, — только запутываешь меня. Вот куплю тебе гуталина, будешь на нем картошку жарить. Не так надо. Надо, чтобы смысл был.

Тут я не выдержал:

— Вот мы купим маргарин, чтоб поджарить колбасин.

— Это уже лучше, — согласился папа. — Больше ничего не надо?

— Хватит с вас, — сказала мама и дала нам сумку и деньги.

И мы пошли. Когда мы пришли в аптеку,

папа встал в очередь за горчичиками, а меня послал покупать Вериного папу.

— Иди и возьми пачку андюшина.

— Почему андюшина?

— Как почему? Вериного папу зовут Андрей. Значит, нам нужен андюшин.

Я прибегаю через минуту и говорю:

— Нет у них никакого андюшина. Может, его по-другому зовут? Может, нам петрациклин нужен или степанид.

— Степанид нам не нужен. Нам Верин папа нужен.

И тут папа вспомнил:

— Фамилия ведь у него Васильев. Значит, нам василин нужен.

Купили мы василин, вазелин то есть, от головной боли, и в булочную пошли.

— Что нам здесь покупать? — спрашивает папа.

— Повара, который бидон съел.

— Зачем?

— Не знаю, папа, зачем. А давай мы просто хлеба купим, как всегда. Половину буханки и батон.

И тут папа про кухарку вспомнил, которая на бидон села.

— Странно, — говорит он, — я кухарку придумал, чтобы буханку не забыть, а у меня наоборот вышло. Мне буханка про кухарку напомнила.

Потом мы в гастрономе маргарин и колбасин купили. Они легко запомнились.

— Что нам еще нужно? — спрашивает папа.

— Гори, гори ясно, чтобы не погасло, — отвечаю.

— Лампочки электрические, — говорит папа. — Или спички. А может быть, керосин. Его ведь тоже в лампы наливают, чтобы горел.

— Может быть, — говорю я. — Только для керосина бутылка нужна.

Посмотрели мы в сумку — есть бутылка.

— Все правильно, — говорит папа. — Помнишь, мы еще реку запоминали в Испании — глотай факир называется. А что факиры глотают? Шпаги или керосин, чтобы огонь изо рта шел.

Купили мы керосин и домой пришли. Мама сначала ничего и не заметила. И даже похвалила нас. А потом, когда вечером колбасу жарить стала, она на горячую сковородку вместо масла керосин плеснула. И тут такое началось: сковородка горит, плита горит и белье над плитой горит. Но больше всего, конечно, папе нагорело.

А я с тех пор на всю жизнь запомнил: если в доме пожарин — набирайте ноль один. Вот что такое мнемотехника!

*Если в доме пожарин —
набирайте ноль один!*

*Рассказ Алика о походе их кружка
самодеятельности в сокровищницу
мировых шедевров живописи
и искусства — Государственный
музей «Эрмитаж»*

Мы туда давно пойти хотели. Нам Наталья Евгеньевна объясняла, что каждый культурный человек в нашей стране просто обязан бывать в «Эрмитаже» два раза в неделю. Нас только собрать очень трудно. В нашем кружке художественной самодеятельности все в разных школах учатся. Кто в английской, кто в математической. Я — в музыкальной. А у Натальи Евгеньевны мы в театральном кружке занимаемся. Мы туда поехали на метро.

Мы приехали на «Невский проспект» и поехали вверх. Стали там всех считать. Смотрим — Таня Купцова потерялась. Тогда Наталья Евгеньевна говорит:

— Ты, Блинов, поезжай вниз и найди Таню. Возьми ее за руку и привези сюда. А мы тебя подождем.

Только Блинов сел на эскалатор, вниз поехал, тут Таня приехала. Мы все думаем —

сейчас Блинов вернется и мы в «Эрмитаж» пойдем. А Блинова все нет и нет. Он внизу Таню Купцову разыскивает. А найти не может, она же у нас уже. Тогда Наталья Евгеньевна говорит:

— Левицкий и Глухарева, давайте быстро спуститесь вниз и приведите сюда Блинова, а то он там долго будет вчерашний день искать.

Только они съехали, тут Блин въезжает.

— Нет внизу Тани, — говорит.

— Таня-то здесь, — говорит Наталья Евгеньевна. — Только мы все равно не можем в «Эрмитаж» идти. Потому что Левицкий и Глухарева внизу. Они тебя разыскивают.

— Так я к ним сбегаяю!

— Хватит бегать. Добегались. Будем здесь ждать.

Тут почему-то вниз Кабаков Валера незаметно укатил. Как бы нечаянно. Мы все даже рты пораскрывали. Зачем, почему?

А затем. А потому. Ему давно не нравилось, что Левицкий все с Глухаревой заговаривает. Все спрашивает:

— А у вас в классе джинсы носят? А Высоцким увлекаются? А жвачку на уроках жуют?

И Блинов исчез. Во второй раз.

Левицкий и Глухарева вернулись, Кабаков появился, а Блинова нет. Тогда Гера Грошов взял власть в свои руки. Он так устроен, когда все запутаются, он распутывает. Он говорит:

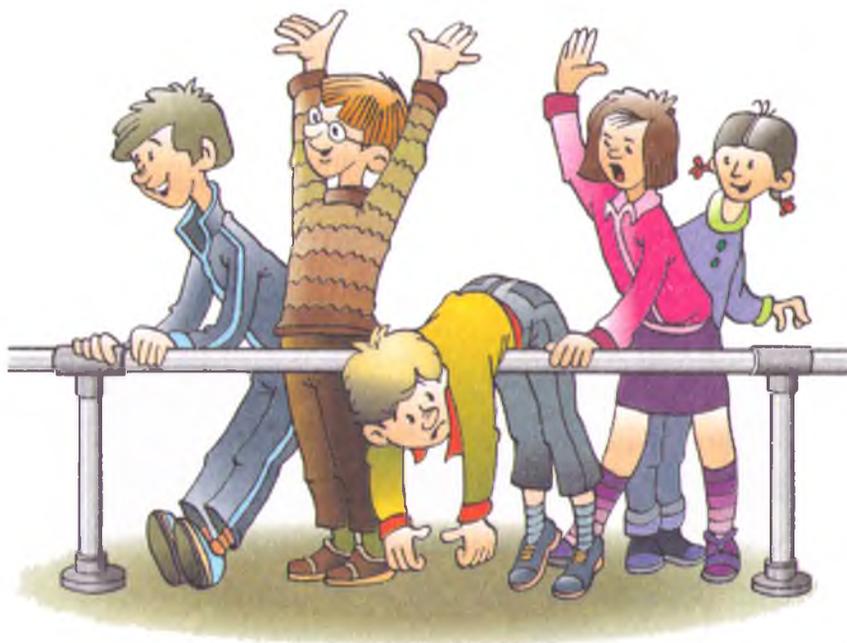
— Давайте мы «блиночерпалку» устроим.

— Как так «блиночерпалку»?

— А так. Мы будем через каждые десять метров по одному ученику на эскалатор запускать. Вниз, вниз, вниз. А он по станции пройдет до половины и назад. Так все время и будем станцию прочесывать. Как Блинова увидим, так и зачерпнем.

И вот «блиночерпалка» заработала. Катаемся мы, катаемся, а Блинов не зачерпывается. Как в воду канул. А тут поток народа

откуда-то пошел и пол «блиночерпалки» чуть в вагон не занесло.

Оказывается, Блинов-то он не вниз, он на улицу вышел, в газетный киоск. Тогда Наталья Евгеньевна говорит:

— Остановите вашу «блиночерпалку», я сама вниз поеду. А вы, товарищ дежурная, никого из ребят на эскалатор не пускайте. Мы и так уже час от вас уйти не можем. А то и вовсе запутаемся.

Все правильно. Только как дежурная «наших» от «ненаших» отличать будет?

Дежурная и стала всех ребят задерживать, кто идет без родителей. Она говорит:

«Нельзя. Подождите вашу учительницу». Наши сразу и обрадовались. Как увидят хорошую девочку, сразу кричат дежурной: «Не пускайте ее! Не пускайте! Она тоже с нами!» Скоро очень много хороших девочек собралось.

Но некоторые девочки не хотели оставаться, они наших ребят лупить стали. Такая веселая катавасия началась.

Наконец Наталья Евгеньевна вернулась и стала каждого поголовно домой отправлять, а в списке отметки делать. Все равно у нее ничего не получалось. Некоторых по несколько раз отмечать приходилось. Они снова возвращались. Только в шесть часов все наконец разошлись.

Так что ничего из нашего похода в сокровищницу не вышло. Но это был самый интересный культурный поход за всю мою жизнь!

И я представил себе, как, вернувшись домой, они перезваниваются: «А Блин-то! А?». «А Глухарева-то какова?». «А я телефон одной ненашей девочки записал».

Есть возраст, когда сокровищницы мирового искусства занимают второе место.

Морозоустойчивые тараканы

Однажды папа мальчика Яши принес домой большую партию тараканов в прозрачной коробочке из пластмассы.

Это был какой-то особый новый сорт морозоустойчивых насекомых, выведенных в папином научном институте.

— Пусть они поживут у нас в холодильнике, — сказал папа. — У нас на работе морозильная установка испортилась.

— Да ни за что на свете! — сказала мама. — Я с этими тараканами всю жизнь борюсь не для того, чтобы они в моем холодильнике жили.

— Но это моя кандидатская, — пытался спорить папа.

— Хоть докторская, — ответила мама.

— В Мексике за каждого таракана дают песо, — намекнул папа. — Они очень нужны для генетических экспериментов.

— Вот и вези их в Мексику, — отпарировала мама.

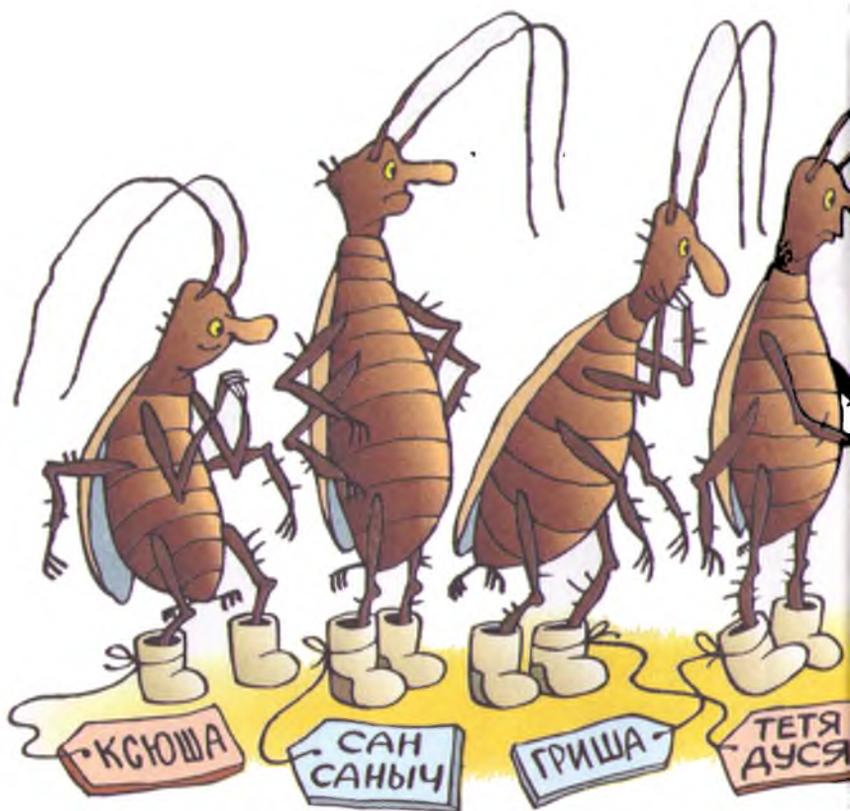
— Но я их знаю всех по именам, — спорил папа. — Без холодильника они погибнут от жары.

— А в холодильнике, — спорила мама, — они погибнут от сотрясения мозга.

— Как так? — спросил папа. — Это невозможно.

— Это возможно, — ответила мама. — Я каждого из них тресну молотком по башке.

— Этот — маленький Вася, — сказал папа.

— С него и начну, — сказала мама.

Папе очень нужно было охладить тараканов, и он убеждал маму изо всех сил:

— Пойми, обычные тараканы при минус двадохнут. А эти только развивают активность. Это переворот в генной инженерии! Это два года работы, это большая наука!

— Мало вам атомной бомбы, — сказала мама.

Папа стал кипятиться:

— Да пойми ты! Да это... революция в науке! Да как ты не поймешь?! Да как ты можешь?.. Да ты!..

— Не груби, — сказала мама. — Если я увижу эту коробочку в холодильнике, я сварю твоих тараканов как креветок.

И мама ушла. А мальчик Яша сразу понял, как можно спасти эту морозно-революционную семью:

— Папа, посади их в морозилку в креветочном пакете.

Пока тараканы окончательно не перегрелись, папа быстро пошел в

магазин «Океан» и взял там большой пакет с креветками.

Креветок он вытряхнул в пакет из-под венгерской курицы, а революционных тараканов запихнул в креветочный пакет.

Все были счастливы.

Однажды мама заметила в холодильнике маленького прелестного тараканчика. Такое нежное неуверенное создание, похожее на двухнедельного котенка.

Другая бы мама обрадовалась:

— Ах, какая прелесть!

А наша мама, вернее, Яшина мама, как закричит:

— Караул! Тараканы!

Она немедленно захлопнула дверь холодильника, заклеила его широким слоем скотча с ног до головы и вызвала папу на допрос.

— Ты своих тараканов забрал?

— Каких тараканов?— спросил папа.

— А таких, морозоустойчивых.

— Я про них давно забыл. Сотрудники разбирали их по домам. А как холодильную установку починили, обратно принесли на работу. Так что все теперь в порядке.

— А ты своих принес?

— Нет, я про них и не вспоминал...

— Так я тебе про них напомним. В нашем холодильнике их видимо-невидимо. Уже молодежь появилась перспективная, обоустойчивая.

Папа стоял молча, вытаращив глаза.

— Так что забирай этот холодильник нераспечатанным к себе на работу, — сказала

мама. — Вместе со всеми продуктами, а нам привези такой же, но без тараканов. Даже необязательно новый. И пусть тебе премию выпишут за повышенную размножаемость этих генетических революционеров.

Папе ничего не оставалось, как сказать:
— Хорошо.

— И имей в виду, что твое питание и питание всей семьи с этого дня в твоих руках. Папа все понял и побледнел.

На другой день он пришел с работы:

— Наш начальник лаборатории согласен взять тараканов, даже вместе с холодильником. Но отдавать ему нечего. Мы бедные. Нам и зарплату с задержкой платят.

Папа подумал, что он все объяснил, и весело спросил:

— Что у нас на обед?

— Хлеб с маслом и чай, — ответила мама.

— А на ужин?

— Хлеб с маслом и чай.

— Но там же были пельмени, — показал папа на холодильник.

— Там сейчас тараканий рай, — ответила мама. — И мы не будем его разрушать. Потому что если мы откроем дверь, планета погибнет. На ней начнется новая эра.

— Какая эра?— спросил папа.

— Эра морозоустойчивых насекомых.

Только папа не сдавался:

— Но у нас в институте нет холодильников.

Тогда мама предложила другой выход:

— Сколько, ты говоришь, дают за одного таракана в Мексике?

— Один песо.

— Так вот. Забирай этот холодильник на работу со всем этим прогрессивным выводком. Набери там тысячу тараканов и пошли их в Мексику своим коллегам. Пусть они пришлют нам тысячу песо.

— И мы купим новый холодильник, — сразу понял Яша.

Папа долго листал энтомологические журналы и журналы по генетике — искал адреса мексиканских коллег. Наконец нашел институт соответствующего профиля. Долго отбирал племенных тараканов, заготавливал им еду и упаковывал их.

И посылка уехала в Мексику.

А потом пришло извещение из Бутовской таможни:

«На ваше имя поступила посылка из Мексики. Просим уплатить таможенный сбор, налог за пересечение границы и получить посылку».

— Ура!— закричала вся семья хором.

В тот же день почтальон принес письмо. Из Мексики.

Дорогие коллеги!

Мы чрезвычайно благодарны вам за присланных насекомых. Они доехали хорошо и сейчас акклиматизируются в наших установках.

Мы долго думали, как же вас отблагодарить. Конечно, мы могли выслать вам деньги, но мы понимаем, что для ученых это не самое главное.

Мы решили сделать вам ответный генетический подарок.

Мы высылаем вам выведенных нами теплоустойчивых полевых перуанских клопов. Они способны переносить температуру до плюс ста сорока градусов.

Первые экземпляры были обнаружены нами в цехах с плавильными печами и усовершенствованы в лабораторных условиях.

*Это бесценный генетический материал.
Ваши коллеги — иностранные ученые.*

Была долгая пауза. Потом мама спросила:

— Ну, что, пойдешь получать генетический материал? Платить таможенные сборы и налог за пересечение границы?

Потом она еще спросила:

— Интересно, эти сборы оптом платятся или поштучно за каждый экземпляр?

— Не пойду, — сказал папа. — Туда ходить — только время терять.

— Почему? — спросила мама.

Папа ей объяснил:

— Знаю я эту Бутовскую таможеню. Мы получали там бабочек. Никакого порядка. Там все под открытым небом. Ничего не обогревается. Все клопы давно передохли.

Так и остались они без холодильника и без потрясающих генетических клопов. Но все стали значительно опытнее и умнее.

Жестянщик Васильков против вороньей стаи

Жестянщик Васильков давно мечтал завести вороненка. Он только ждал, когда они созреют.

Вот в разгар лета воронята объявились. И заорали себе на весь ЖЭК.

Тогда Васильков взял у электрика Володи Матвеева «кошки» и полез на шестиэтажный тополь. А его собака Павлин сидела внизу и охраняла его новый, еще не стираный ватник.

Васильков добрался до гнезда, вытащил самого громкого и полез вниз. Тут у электрика Володи Матвеева что-то сработало. Он закричал:

— Я тоже вороненка хочу! И мне полагаются! Доставай!

Васильков не стал устраивать дебаты, снова вверх полез.

Но тут странности начались. Когда первого вороненка брали, ворона-хозяйка вела себя спокойно. То ли считать не умела, то ли с выводами не торопилась. А тут как закричит!

— Караул! Наших воруют! И за пазухи засовывают!

Разбежалась по воздуху и как треснет Василькова клювом, аж звон пошел, будто Васильков внутри пустой был.

Другие вороны сбежались, стали ее успокаивать. Хотя успокаивать-то Василькова следовало.

Пока вороны свою откачивали, Васильков кое-как вниз сполз и к себе в мастерскую за проволочную сетку сбежал. Верный Павлин при телогрейке остался.

В мастерской Васильков и Володя Матвеев сразу к вороненку пристали:

— Скажи «кар», скажи «кар»! Скажи «Сидоров — козел!»

В общем, занятие у них появилось.

Первые три дня вороны Василькова не трогали. То ли ждали, пока одумается, то ли ждали какого-то своего вороньего начальника.

Как только Васильков во дворе появлялся, они страшный гвалт поднимали. Но до рукоприкладства дело не доходило.

А потом поехало.

Утром выходит Васильков из мастерской, металлические стружки с воротника отряхивает. А перед ним на дереве здоровая ворона сидит. Вернее ворон. В общем такой вороний детина. Сидит он и клювищем по ветке хлопает:

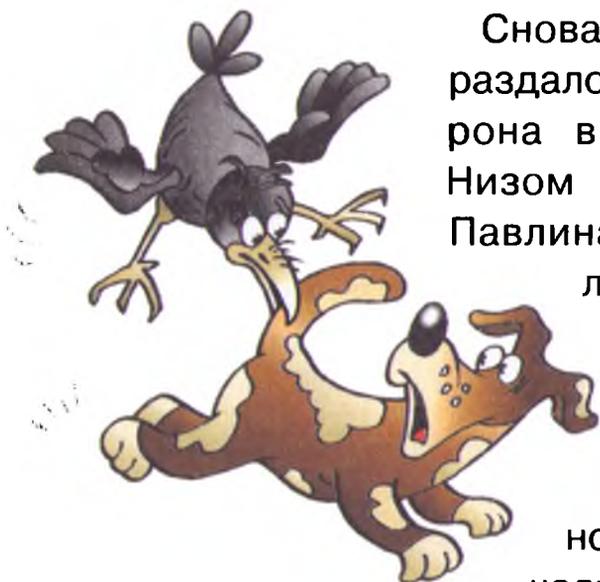
— Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Аж дерево трясется. Остальные вороны в ряд выстроились.

А надо сказать, что голова Василькова была с уклоном в лысизм. Блестящая была, как коленка.

Тут первая ворона нырнула с дерева, спикировала и как чиркнет Василькова по голове.

Чиркнуть можно по-разному. Здесь так чиркнули, что дым из Василькова пошел, как из коробка спичек.

Снова «хлоп, хлоп» раздалось. Другая ворона вниз нырнула. Низом прошла и на Павлина набросилась. Как клюнет его в то самое место, где хвост кончился, а ноги еще не начались. И опять —

хлоп! хлоп! хлоп!

Васильков с Павлином дальнейшего ждаты не стали и в мастерскую к себе бросились. Стали сидеть там за решеткой, как в зоопарке. Только они высунутся — сразу и слышится:

— Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Электрик Володя Матвеев весь день им еду носил как пленным. И что интересно — производительность труда у Василькова резко повысилась. Он там в мастерской две трубы водопроводные починил — от первого этажа до шестого.

И весь день твердил упрямо:

— Скажи «кар»! Скажи «кар»! Скажи «Сидоров — козел»!

На другой день Васильков решил, что вороны про него забыли. Высунулся было утром из мастерской но не тут-то было. Сразу послышалось: хлоп! хлоп! хлоп!

Этот вороний начальник, чувствуется, не даром сюда прибыл. Большой был труженик.

Все вороны свои дела бросили и на Василькова пикировать начали. Рвут бедного не на шутку.

Жители эту историю заметили, стали на Василькова как на аттракцион смотреть.

Тогда Васильков гримироваться начал. Щеку шарфом замотал, кепку надел и бежит в магазин.

Только театр одного актера быстро кончился. Павлин так был устроен, что от Василькова ни на шаг. А Павлина заматывай, не заматывай — он так Павлином и останется.

Бежит загримированный жестянщик, а за ним незагримированный пес. А воронье над ними так и вьется. То одна, то другая кидаются вниз — и клюк человека по башке. А бывает, как на футболе — разгонится одна, а стукнет другая. Да совсем с другой стороны. Ба-бах! Хоть волком вой!

Тогда электрик Матвеев жестянщику Василькову предложил:

— Или ты вороненка отдай, или в Сибирь поезжай. Там нужны упрямые энтузиасты — строители коммунизма. А то еще есть такой выход — выпей ты польской морилки для дерева. Она вся на спирту. И человека черным делает. Тебя тогда не то что вороны, мать родная не узнает. И в метро все будут как негритянскому студенту место уступать.

Не захотел Васильков ни в Сибирь ехать, ни негритянским студентом становиться. Взял вороненка проклятого, из-за которого вся каша заварилась, и пошел с ним, как с белым флагом, на середину двора. За ним,

как адъютант, очень торжественно шел Павлин. Вороны замолкли. Вообще во всем дворе как будто звук выключили.

Посадил Васильков вороненка на дерево и торжественно пошел в домино играть. И никто его не клевал. С тех пор все утихомирились.

А по утрам в нашем дворе, когда вороны кричать начинают, одна несколько странно кричит, не как все. Она так говорит:

— Кар! Кар! Сидоро-козо! Кар! Кар! Сидоро-козо!

Как моя соседка Наталья Ивановна покупала арбуз

Моя соседка Наталья Ивановна обожает решать кроссворды. Наш разговор с утра начинается так:

— Что такое освежающий утренний напиток из трех букв, употребляемый в Европе и Азии?

— Суп, — говорю я.

— Подходит, — соглашается Наталья Ивановна. — А вот еще одно слово: «Домашнее бытовое средство для стирки белья». Десять букв по вертикали.

— Жена, — говорю я.

— Мало, — смотрит Наталья Ивановна.

— И теща, — добавляю я.

Но самое главное не кроссворды.

С Натальей Ивановной каждый день про-

исходят какие-то очень красивые истории.

Вот, например, одна из них про арбуз.

— Сегодня я купила арбуз. Он был очень большой! Просто очень большой.

Это меня не удивило. Наталья Ивановна любит всех людей: школьников, милиционеров, продавцов и президентов иностранных держав. И все любят ее и всячески ей помогают.

Вот и продавец выбрал ей самый большой арбуз. И она его понесла.

— Я пронесла его полквартиры, а дальше не могу. Хоть бросай. И тогда я его покатила.

Я представил: Наталья Ивановна — седая спортсменка двадцатых годов — идет по нашей улице и со страшной силой гонит перед собой арбуз ногами. И разные люди относятся к этому по-разному.

— Разве можно так с арбузами обращаться!

— Гонять арбузы ногами негигиенично, — делает Наталье Ивановне замечание пожилой пенсионер военного вида. — Какой вы пример подаете молодежи.

— Хороший пример она подает молодежи, — возражает человек в тренировочном костюме, бегущий трусцой. — У нее арбуз как прилип к ноге. Никакого отскока. Нашей сборной у нее бы поучиться. Мамаша какой-то футбольный секрет знает. Уважаемая, вы по стойте здесь. Я до окружной дороги добегу и на обратном пути вам арбуз дотараню.

Наталья Ивановна не стала ждать таранящего спортсмена. Она докатила арбуз до телефонной будки и стала вызывать

подмогу — пенсионно-тимуровскую скорую помощь:

— Алло, это Анна Гавриловна? Вы что делаете? Берите свою сумку на колесиках. И приходите сюда ко мне, к мебельно-

му. По-
мо-

жете мне арбуз нести... Не можете? Выйти не можете? Ничего, я сейчас приму меры.

— Алло, Софья Адамовна? Пожалуйста, зайдите к Анне Гавриловне и откройте ее. Она ключ в двери снаружи забыла. А изнутри дверь не открывается. И пусть она возьмет сумку на колесиках и идет меня выручать... Что, у вас сердце? Ладно, сейчас поможем.

— Алло, Наталья Павловна? У вас есть валидол? Тогда возьмите его и зайдите к Софье Адамовне. Она боится без валидола на улицу выходить. Она проведет вас к Анне Гавриловне. Анна Гавриловна пусть возьмет сумку на колесиках. И все вместе приходите сюда, к мебельному. Поможете мне арбуз нести. Да, и возьмите еще для Анны Гавриловны чай. Она без чая как машина без бензина — не может двигаться.

В это время мимо шел мальчик и с ним двое родителей — папа и мама.

— Тётя, что это вы делаете?

— Я арбуз домой качу.

— Можно мы поможем?

— Конечно, можно.

— Но мы в кино опоздаем, — говорит мама.

— Ну и пусть! Арбуз важнее!

И арбузная процессия тронулась с места. Впереди мальчик, потом арбуз, потом папа и мама.

В это время им навстречу выходит Анна Гавриловна с сумкой на колесиках и все остальные участники арбузного пробега с чаем и с валидолом. И все они встречаются у лифта.

— Знаете что, — говорит Наталья Ивановна. — Пошли к нам арбуз есть.

И все-все: незнакомые папа и мама с мальчиком, Софья Адамовна, Анна Гавриловна с сумкой на колесиках, Наталья Павловна с чаем и валидолом — все поднимаются наверх на шестой этаж. Есть арбуз.

И если мне в кроссворде попадетс^я слово на десять букв по вертикали, означающее молодую современную прогрессивную женщину, я не буду долго размышлять. Я напишу это слово — «соседка Наталья Ивановна».

Пусть это будет не по правилам, но это будет правильно.

Целебный бык

Село Троицкое под Переславлем-Залесским — село тихое и безобидное. Люди в нем молчаливые, уважительные.

А деревня Афоново, которая в двух километрах рядом, такая разговорчивая, будто и не из этой местности. Недаром ходят слухи, что крестьян для этой деревни помещик афонинский в карты выиграл. И выиграл он их, верно, в каких-нибудь южно-цыганских краях. Потому что таких говорливых людей нигде больше в наших краях не водится.

Когда идешь по Троицкому, все на тебя смотрят, просто глазами едят, но ни о чем не спрашивают.

Когда идешь по Афоново, только о тебе и разговоров.

— Смотрите, мужик с удочкой днем на реку идет.

— А что? Пользы от него никакой, вот его и выставили из дома.

— Почему-то пользы от него нет? Выстави его в огороде, вот тебе и польза. Все птицы разлетятся и кабаны на картошку не пойдут.

— Да он, небось, городской, столичный. Он в огороде завянет в полчаса. Ему бы только бумажки подписывать.

— У меня летошний год жил один городской, квелый такой, бесполезный. От него еще жена ушла. И от этого тоже скоро уйдет.

— Это почему от меня тоже скоро уйдет? — не выдержал я.

— Потому. Делов в хозяйстве полно, а ты на речку с удочкой.

— Вот он обратно пойдет, посмотрим, сколько он там выловит.

Так от крыльца до крыльца передают тебя как эстафету.

Зато в Афонино всяких событий мало, а на Троицкое они так и сыпятся. То кино туда приедут снимать про партизан. То окажется, что пенсионерка Купцова Дуняша уже третий год как ведьма — из-за нее у

Клековых корова не доится. То выяснится, что бригадир Павловский на тракторе художнику Чижикову забор снес. Потом следы заметал и трактор в обочине утопил.

А то вдруг такое случилось — в Троицком бык Цыган заиграл. Козырять стал.

Был бык как бык. А с осени стал за кем ни попадя гоняться с рогами.

Коровник старый был. Если быка к столбу привязать, он все развалит. Вот он и ходил непривязанный.

Однажды Павел Васильевич Пугачев,

районный архитектор, с грибами из леса возвращался. Решил он угол поля срезать, через коровник пройти.

Ходил он медленно, потому что его радикулит разбил.

У нас в Троицком есть примета такая народная, что радикулит у того человека бывает, который свою работу делать не хочет. Так вот, архитектор Пугачев так не хотел ее делать, что весь скрюченный ходил. И с каждым годом все скрюченнее и скрюченнее становился.

И вот с такой повышенной скрюченностью он около коровника оказался. Они столкнулись — архитектор повышенной скрюченности и бык повышенной бодучести — и чем-то друг другу усиленно не понравились.

Что бык Цыган архитектору не понравился — это наплевать и забыть, никакого действия

из-за этого не намечалось. А вот что Павел Васильевич Цыгану не понравился — это хуже, из этого прямое действие получилось. Бык как на Павла Васильевича побежит!

Я не знаю, бегал ли когда-нибудь за вами бык, дорогой читатель, но дело это не забавное, а прямо-таки ужасное.

Павел Васильевич это знал и немедленно в сторону от быка бросился.

А скользко, после дождя. Архитектор буксует и Цыган пробуксовывает. Но постепенно они скорость набирать начали и все быстрее стали двигаться.

Никто и не подозревал, что Павел Васильевич такой спортивный. Он три круга вокруг коровника сделал, потом на навес над крыльцом взлетел и на нем сидит. Он сидит, а Цыган гнилушки из под крыльца выковыривает.

Хлоп! И Павел Васильевич, как в замедленном кино, стал вниз падать.

Но во время бега что-то с ним произошло, он стал быстрее в сто раз соображать. Пока он падал, он лодку у забора увидел перевернутую на чурочках. Он к этой лодке кинулся.

Цыган с себя навес сбросил, а Павла Васильевича уже не достать, он под лодкой блаженствует.

Цыган стал вокруг пастись. Отойдет, но глазом на лодку косит. Только Пугачев высунется, Цыган уж тут как тут с рогами.

Пришлось Пугачеву вместе с лодкой отползать. А лодка тяжеленная. И полз он как черепаха в собственном доме. Полкилометра полз. Вот тебе и срезал угол!

Но что самое интересное — его скрюченность как рукой сняло. Он прямой и стройный стал. Такой прямой, стройный и ошалелый в районный город и уехал.

Зато он потом за две недели новый коровник спроектировал. А бывало, месяцами работу выполнял.

А наши деревенские Цыгана с тех пор Фельдшером стали звать. И говорят:

— У кого радикулит, мы можем им нашего быка по рецепту выписать. Любого человека в пять минут починит.

Письма Валерки Частова

В селе Троицком наступила зима. Снега — хоть на лодке по нему плавай, как в старину. Между домами дорожки проложены, словно окопы.

И только от крайнего дома Татьяны Семеновны Частовой никакой дорожки нет — ни к соседям, ни к колодцу, ни к лесу.

Валерка Частов сразу заметил это, когда сошел с автобуса:

— Не померла ли?

Двенадцать лет Валерке, он в этой деревне родился и вырос. Но живет он в городе с родителями.

Он спросил у своей тетки — тети Лиды, как только вошел в избу:

— А что, Танёнка Частова жива? Или к сыну уехала?

— Никуда она не уехала, — ответила тетка. — Сидит себе сычом в своем доме. Разговаривать ни с кем не хочет. Со всей деревней перессорилась. Даже к Дуняшке Частовой не ходит.

Между прочим, в Троицком что ни дом, то Частовы живут.

— А чего она перессорилась?

— Кто ее знает. Она всегда была какая-то чудная. А тебе-то не все ли равно?

Только Валерке не все равно. Он всех деревенских людей знает и любит. И не нравится ему, когда кто-то в ссоре, в печали или вовсе заболел.

Он когда вырастет, наверное, возьмет этот захудалый колхоз под свое руководство. Станет в нем председателем и выведет колхоз в миллионеры.

И твердо Валерка решил Татьяну Семеновну со всеми помирить, особенно с ее задушевной подругой Дуняшей Частовой, то есть Евдокией Павловной.

Для начала отправился он на почту, чтобы у почтальонки Анастасии Алексеевны все деревенские новости узнать. У кого корова отелилась, кто машину «Жигули» купил и кому пенсию на десять рублей повысили.

И надо же такому быть, что Татьяна Семеновна

новна — широко известная в сельских кругах пенсионерка, на этой почте собственной персоной сидела, пенсию получать ждала. Ни на кого не смотрела, никуда не оглядывалась.

И сердитостью от нее так и веяло во все стороны.

Платком она была перемотана с ног до головы, как пулеметной лентой, но разматываться, видно, не собиралась. А почтальонки Анастасии Алексеевны не было.

— Татьяна Семеновна, — с ходу начал Валерка. — А чего это вы тетю Дуню Часто-ву обидели?

Татьяна Семеновна аж подпрыгнула на своей табуретке:

— Ты что? Кого это я обидела?

— Тетю Дуню. Не разговариваете с ней. Ругаетесь.

— Да я ее дурой назвала. Она ведь что заявила. Она сказала, что наши мужики от их колодца ручку взяли.

— И только-то?

— Это тебе только-то. А наши мужики не воры. Им эта ручка даром не нужна! Я и

сказала ей: "Ты наших мужиков хорошо знаешь. Они чужого ничего не возьмут. Нечего на них напраслину возводить!"

— Татьяна Семеновна, давайте я вас помирю.

— Ишь, мирильщик нашелся! Я с ней разговаривать не собираюсь.

Слова из Татьяны Семеновны сыпались жутко сердитые, но видно было, что основ-

ная сердитость давно уже прошла. Просто бушевало самолюбие. Была бы она зла по-настоящему, стала бы она перед Валеркой оправдываться, что-то ему объяснить!

— Татьяна Семеновна, а и не надо разговаривать. Давайте мы с вами ей письмо напишем.

— Тебе делать нечего, вот и пиши.

Валерка, не теряя времени, вытащил из-за почтового барьера однокопеечный лист для письма, взял на изготовку государственную ручку на веревочке и стал сочинять текст:

— «Дорогая Евдокия Павловна!»

Он с вопросом посмотрел на Татьяну Семеновну:

— Правильно?

— Чего? — поразились старуха. — Какая она тебе Евдокия Павловна, когда она Дуняшка Частова!

— «Дорогая Дуняшка Частова», — принял это к сведению Валерка. — «Я тебя обругала сдуру». Так правильно?

— Правильно, — согласилась Татьяна Семеновна.

— «Больше не буду», — продолжил Валерка.

— Как это — больше не буду! — возразила старуха. — У меня нервы подымутся, я еще и не такое скажу!

— Значит, — продолжил Валерка. — «Я тебя обругала сдуру... и еще буду». Так правильно?

— Так правильно, — согласилась довольная Татьяна Семеновна.

— А дальше про что писать?

— Не знаю. Ты грамотный, ты и пиши.

— Когда не знают, про что писать, про погоду пишут, — сказал Валерка.

— Вот про погоду и пиши.

Только он собрался писать про погоду, как дверь почты открылась, и вошла сама Евдокия Павловна Частова. Тоже вся в платках, как в пулеметных лентах, но в отличие от Татьяны Семеновны маленькая и сухая.

Едва ее глаза привыкли к темноте после белого снега, она заметила Татьяну Семеновну, повернулась и бросилась бежать.

Валерка догнал бабушку у двери, обнял и вернул назад:

— Садитесь, Евдокия Павловна. Мы вам письмо пишем.

Он усадил ее на другую табуретку, подальше от Татьяны Семеновны, и продолжил свою работу.

— «Дорогая Евдокия Павловна», — говорил и писал он. — «Погода у нас хорошая. Хоть на лыжи вставай».

— Какие еще лыжи! — поразилась Евдокия Павловна. — Когда метель третью неделю метет.

— Чего твоя метель! — зашумела Татьяна Семеновна. — Чего твоя метель! Когда она давно уже кончилась! Глаза-то разуй!

— Евдокия Павловна, Евдокия Павловна! — бросился Валерка к новопришедшей старушке. —

Вы подождите, вы не вмешивайтесь. Когда будем ответ писать, мы про вашу погоду напишем. Ладно?

Она согласилась и притихла.

— Так чего дальше-то писать? — спрашивает Валерка.

— Чего, чего? Сам знаешь, чего.

— Я про курей напишу, — говорит Валерка.

— Пиши про курей, — соглашается Татьяна Семеновна.

— «Куры мои здоровы», — пишет и говорит Валерка. — «Вовсю несутся, несмотря что зима».

— Как так несутся?! — поражается Татьяна Семеновна. — Да у меня курей и не осталось вовсе! Последнюю летом ястреб утащил.

Валерка с ходу подхватывает:

— «Хоть курей у меня и не осталось вовсе. Последнюю летом ястреб утащил». Так правильно?

— Так правильно, — соглашается Татьяна Семеновна.

Старухи молчат и вздыхают на своих табуретках.

— О чем еще написать? — спрашивает Валерка.

— Почему я знаю, — отвечает Татьяна Семеновна.

— Может, о здоровье напишем?

— Пиши о здоровье.

Валерка диктует сам себе и записывает:

— «Здоровье у меня здоровое. Ничего не болит. И температура нормальная — 36,6».

— Да, не болит! — возражает Татьяна Семеновна. — Поясницу так и ломит. Хоть криком кричи! А горчичники некому поставить! И давление у меня повышенное. Все время что-то давит.

Валерка подхватывает:

— «Ничего не болит. Только давление повышенное. Все время давит. А горчичники некому поставить».

— У Анастасии Алексеевны тоже поясница, — скромно вставляет Евдокия Павловна про почтальонку, чтобы тоже чего-то делать.

— Да у нее поясница потому, что она от работы бегаёт. Все у Ольгушки Павловской сидит, в карты играет, — взрывается Татьяна

на Семеновна. — Нашла, кого жалеть! На почту приходит раз в неделю, а зарплату целиком получает!

На этот взрыв Евдокия Павловна снова собралась сбежать, но Валерка ловит ее за платок и силой усаживает обратно.

— Татьяна Семеновна, — говорит Валерка, — ведь вы месяц не виделись. Были у вас какие-нибудь радостные события?

— Каки таки события?

— Может, посылка пришла с книгами или гости приезжали?

— Никакие гости не приезжали. Вот только крыса у меня завелась.

— Чего же тут радостного? — спрашивает Валерка. — Когда крыса завелась? Больше нечего сообщить соседке нашей дорогой — Евдокии Павловне?

— Все! — отвечает Татьяна Семеновна. — Хватит с нее!

— А что, — говорит юный дипломат. — Конечно, хватит. И так вон сколько новостей ей сказали.

Он перегнулся через барьер и взял еще один листок для писем.

Почтальонки Анастасии Алексеевны все еще не было. Видно, и в самом деле она забегалась по личным делам.

— Евдокия Павловна, будем ответ писать. Теперь вы диктуйте.

— А чего диктовать-то? — спрашивает скромная Евдокия Павловна.

— Какая погода у вас.

— Сам видишь, какая погода. Никакой погоды, метель одна.

— Я так и напишу, — говорит Валерка. — «Дорогая Татьяна Семеновна, никакой погоды у нас нет, метель одна». Правильно?

— Правильно, — отвечает Евдокия Павловна.

— Ой, — сказал Валерка, — бланк-то вам поздравительный достался. Значит, адресата поздравить надо.

— С чем? — спрашивает Евдокия Павловна.

— С чем хотите. Хоть с погодой.

— Вот и поздравляй с погодой.

— «Никакой погоды у нас нет», — повторяет Валерка. — «Только метель одна. С чем вас и поздравляю». Правильно?

— Ты пишешь, тебе и видней, — дипломатично говорит Евдокия Павловна.

А Татьяна Семеновна все внимательно слушает, словно не про ее погоду говорят.

— Опишите, что вы сейчас читаете. Художественную литературу какую.

— Стара я читать-то. Отчиталась уже. Я радио слушаю.

— Так и запишем, — говорит Валерка. — «Дорогая и задушевная моя подруга Татьяна Семеновна. Ты ко мне редко заходишь...» Редко она заходит?

— Совсем не заходит.

— «...Ты ко мне редко заходишь, так редко, что совсем не бываешь, и я все время слушаю радио и смотрю телевизор». Какой у вас телевизор?

— Никакого нет, — отвечает Евдокия Павловна.

— «Хотя у меня его и вовсе нет!» — подхватывает Валерка. — «Так что приходи ко мне со своим телевизором». Так правильно?

— А где ж он? — спрашивает Татьяна Семеновна. — Твой телевизор? Тебе же зять Антон привозил из города.

— И Антон привозил, и Галка, сноха, привозила, да не кажут они здесь. Больно слабые. К ним антенна нужна большая какая-то.

Валерка видит, что контакт между старухами налаживается, и начинает дело вести к финалу.

— «Дорогая Татьяна Семеновна, я очень по тебе скучаю. Помнишь, как в тяжелые военные годы мы делились последним сухарем? Бери пирог с изюмом и приходи в гости. В шесть часов...» Верно?

— А чего же? — говорит Евдокия Павловна. — Только пирог ни к чему. Пусть просто так приходит.

— «Мне пирог ни к чему... — пишет дальше юный директор по связям. — Я его Валерке отдам. Больно парень хороший». Так правильно?

— А что? — соглашается Евдокия Павловна. — Все по-хорошему.

— Значит, бабушки, будем заканчивать.

Валерка снова потянулся через барьер, взял у прогульщицы-почтальонки два конверта, надписал адреса и сказал:

— Все. Раз почтальонки нет, сам пойду почту разносить. А вы тут не засиживайтесь. Вас дома письма ждут.

Он положил на стол Анастасии Алексеевны двадцать копеек за конверты без марок и вышел на улицу из почты.

В ясный-ясный, белый-белый зимний день.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Случай со степанидом</i>	5
<i>Рассказ Алики о походе их кружка самодельности в окрестности мировых шедевров живописи и искусства — государственный музей «Эрмитаж»</i>	14
<i>Морозоустойчивые тараканы</i>	19
<i>Жостяничек Васильков против вороньей стаи</i>	29
<i>Как моя соседка Наталья Ивановна покупала арбуз</i>	36
<i>Целебный бык</i>	42
<i>Письма Валерки Частова</i>	49

Для младшего и среднего школьного возраста

Эдуард Николаевич Успенский

СЛУЧАЙ СО СТЕПАНИДОМ

Рассказы

Художник И. Тер-Аракелян

Редактор М. Калугина

Художественный редактор А. Вовикова

Компьютерная верстка А. Мартынов

Корректор Т. Тарасова

Подписано в печать 18.01.02. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 4.

Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 12 000 экз. Заказ № 3807.

«Стрекоза-Пресс», 113054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 21, стр. 3.

(Лицензия ИД № 04289 от 15.03.01)

ФГУП Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Министерства Российской Федерации по делам
печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Телефоны для реализации:

(095) 268-33-90, (0872) 41-06-37

107076, г. Москва, Стромынский пер., 4.

Очень смешные, а, главное, правдивые истории о бычке Цыгане, который лечил от «скрюченности», вороненке, который учился говорить «Сидоров — козел», огромном арбузе, который катили по городу, как футбольный мяч, а так же другие веселые случаи из жизни.

